

О МЕРАХ К СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ЦЕРКОВНОЙ СТАРИНЫ*

В ряду памятников русской старины наиболее видное место занимают памятники старины церковной. Памятники гражданские и военные представляют не столь значительную величину, и еще менее заметны вещественные остатки древнего общественного и семейного быта. И это вполне естественно. Русский народ искони отличался религиозным консерватизмом и строго церковным направлением. Научная и художественная деятельность древней России имела почти всецело религиозный характер. В области книжной на первом месте стояли священные церковные книги, жития святых, палеи, златоструи, пчелы, вообще сочинения поучительного характера; обучение велось по церковным книгам; письменность составляла прерогативный удел духовных лиц — монахов, священников. Древняя Русь, говорил М. П. Погодин, не знала и не хотела знать никакой мирской науки и не имела никакой другой цели, кроме спасения души. Изучение Св. Писания, чтение св. отцов церкви, размышление об истинах религии, вместе с молитвой и доброю жизнью, — вот ее идеалы, занятия, требования. Вера — вот ее средоточие. Воззрение и настроение высокое, удовлетворявшее долго наших предков и давшее свои прекрасные плоды в жизни. Так было у нас до Петра I... В области древнерусского искусства мы видим то же самое церковное направление: архитектурная деятельность обращена была главным образом на храмы, живопись была, в сущности, иконописью, металлическое производство направлено было на изготовление крестов, складней, церковной утвари, иконных окладов, миниатюрная живопись находила широкое применение в иллюстрации книг Св. Писания, житий святых и проч. Религия служила для древнерусского человека источником вдохновения и давала направление художественной деятельности. Вот почему памятники церковной старины, дошедшие до нас, преобладают над другими не только в отношении количественном, но и по своему историко-археологическому значению: они характеризуют древний церковный и народный быт. Важность их признана уже теперь всеми, и высокомерное отношение к ним, проистекающее из недостаточной осведомленности в этой области и затруднительности понимания языка вещественных памятников, должно уступить место живому интересу к ним как наглядным показателям нашего исторического прошлого. Без этих памятников мы не в состоянии были бы уяснить во всей полноте отношения нашей русской церкви к византийской — *ecclesia matrix*; между тем до наших дней уцелели некоторые вещественные памятники церковной старины, которые говорят нам наглядным языком художественных форм как о церковном строении Византии, так и о нашей теснейшей зависимости от нее: мы имеем древнейшие храмы в Киеве и Новгороде (ср. развалины храмов в Херсонесе Таврическом) греческого происхождения, каких нет теперь в самой Греции

* Христианское чтение. 1906. № 1.

и Турции; некоторые из наших древнейших храмов украшены греческими стенописями (Киев, Новгород), каких также более нет в самой Греции; украшены византийскими иконами (Московский Успенский Собор); в ризницах церковных (Патриаршая, московские соборы; Новгородский Софийский собор и др.) находятся византийские образки, кресты, церковные одежды и т. п., в библиотеках наших рукописей — византийские кодексы. В целом вся наличность византийских памятников, находящихся у нас в России, представляет такую крупную величину, без знания которой слишком трудно восстановить в науке во всей полноте византийский церковный быт XI—XIII вв.; особенно если иметь в виду то, что и памятники русского происхождения, относящиеся к той же эпохе, стоят в тесной связи с византийскими и, следовательно, могут содействовать достижению той же цели исторического воссоздания церковного быта Византии. Но это лишь одна сторона дела. Важнее то, что без памятников и их изучения мы не можем знать ничего не только о первоначальном зарождении нашего церковного искусства в России, но и о его дальнейшем развитии на почве национальности и самобытности; не можем знать ни истории нашей национальной церковной архитектуры, ни нашей богатейшей в целом мире иконографии, столь высоко ценимых православным русским народом; не можем знать истории церковных одежд и утварей; одним словом — не можем знать одной из наиболее видных сторон исторического церковного быта и быта народного, поскольку последний связан с бытом церковным. Основанный на древнем предании консерватизм составляет основную стихию нашей церковной жизни. Мы с полным уважением относимся к древнему церковному преданию и с этой стороны стоим выше всех христианских народов; с величайшею ревностью оберегаем старые богослужебные обряды и обычаи, храним и изучаем древние каноны, а в настоящее время становимся даже на путь практического применения древнего церковного быта Византии — или по крайней мере некоторых сторон его — в России, причем некоторые ревнители старины, в безотчетном влечении к последней, доходят даже до крайностей, смешивая «каноническое с неканоническим», хотя и древним, обязательное для вселенской церкви с необязательным поместным, важное с ничтожным, историческое и научное с теоретическим и практическим, не замечая разницы авторитетов вселенского собора и арльского, лаодикийского, Василия Великого и Тертуллиана. Между тем по странной случайности мы почти совершенно забываем, что вещественные памятники церковной древности — наши древние храмы, св. иконы, свещ. утвари суть те же источники древнего церковного предания и вопиют об охране и изучении. И несомненно, что наше равнодушие к этому предмету, естественное с точки зрения протестантизма и пресловутой в настоящее время свободы богословской науки, по меньшей мере непоследовательно и может нанести ущерб исторической науке. История, в широком смысле слова, не может обойтись без памятников вещественных, если она претендует на полноту ученых исторических характеристик: без древностей в ней будут всегда крупные пробелы. И действительно, наши историки нового времени М. П. Погодин, Бестужев-Рюмин, Д. И. Иловайский, С. Ф. Платонов вводят археологию в сферу своих исторических исследований и

в зависимости от нее строят свои исторические курсы; русские славы — И. И. Срезневский, А. И. Соболевский, И. А. Шляпкин в своих исследованиях по истории языка и по палеографии входят по необходимости в тесное соприкосновение с церковной археологией. Ф. И. Буслаев в своих исследованиях о русской народной словесности вел это дело параллельно с исследованием памятников искусства и таким образом проложил новые и верные пути в этой темной области научного знания. Е. Е. Голубинский в своей истории русской церкви в домонгольский период почти 300 страниц посвятил церковной археологии и сообщил обстоятельные сведения об архитектуре церквей каменных и деревянных, о внутреннем устройстве и убранстве храмов, сообразно с их богослужебным назначением, о богослужебных принадлежностях и проч. Помимо этого чисто научного интереса к церковной старине, она не только может, но и должна быть предметом практического использования. Мы слишком далеки от мысли рекомендовать современному церковному искусству рабское копирование с древних образцов и в этом полагать основную художественную задачу. Памятники древности должны служить в настоящее время материалом, вдохновляющим и направляющим художника на путь национального творчества, но при этом ни новейшие усовершенствования в художественной технике, ни личный талант и настроение художника не могут быть принесены в жертву традиции. В существующей практике церковного строительства и живописи в настоящее время мы можем, действительно, наблюдать целый ряд попыток удачного использования церковно-археологического материала: назовем архитекторов — Парланда, Султанова, Бенуа, Котова, Померанцева, Косякова, Преображенского, Сулова, Быковского; художников живописи — Васнецова, Харламова, Нестерова, Кошелева, Чистякова, Шаховского, Бруни, Беляева, В. П. Верещагина, Новоскольцева, Павлова, Райляна, Судковского; иконописцев — Гурьянова, Чирикова, Соколова, многих иконописцев Палеха и Мстеры. Дело обновления русского церковного искусства на основах национальной старины начато, но оно далеко не доведено еще до своего конца.

Наличность памятников церковной старины, требующих охраны и изучения, громадна. Часть их сосредоточена уже *в русских музеях*. Наиболее крупное из церковно-археологических собраний — музей Императора Александра III в С.-Петербурге, основанный первоначально при Академии художеств и заключающий в себе, кроме русских церковных древностей (иконописи, резьбы по дереву, металлических произведений), некоторые предметы византийской и позднегреческой старины, привезенные с востока Севастьяновым. В 70-х годах появляются собрания церковных древностей при Духовных академиях: обширнейшее и лучшее из них — при Киевской духовной академии, куда вошли ценные собрания Сорокина, еп. Порфирия Успенского, Муравьева и др. Потом появились собрания древностей при Академиях С.-Петербурга, куда вошла часть новгородского Музея церковных древностей и часть обширного собрания московских икон из склада Даниловского монастыря, Московской и Казанской. С 80-х годов стали появляться собрания древностей при губернских ученых архивных комиссиях, а затем при церковно-археологических комитетах. Из губернских собраний на-

зовом — лучшее тверское, новгородское, ярославское, костромское, нижегородское, симбирское, саратовское, тамбовское, таврическое, екатеринославское, воронежское, орловское, калужское, рязанское, псковское, виленское, смоленское, тифлиское; из собраний церковно-археологических комитетов — архангельское, нижегородское, воронежское, орловское, московское, калужское, тверское, холмское. Большая часть этих собраний незначительна, не имеет правильной организации и, что особенно важно, ни комиссии, ни комитеты никем не призваны к охране памятников старины и доселе не могут быть названы органами ее. Большая часть памятников церковной старины находится в Патриаршей ризнице в Москве и в больших монастырях и соборах: в Троице-Сергиевой Лавре, в костромском Ипатьевском монастыре, в ярославском Спасо-Преображенском, владимирском Рождественском, Антониевом, Юрьевом и Хутынском в Новгороде, Спасо-Мирожском в Пскове; в соборах: новгородском Софийском, псковском Троицком, в московских соборах — Успенском, Архангельском и Благовещенском, Киево-Софийском и других. Небольшие собрания древностей имеются почти во всех древних монастырях и даже в древних приходских храмах, особенно в новгородских и московских. Многочисленные памятники церковной архитектуры рассеяны по всему лицу русской земли. На севере России — множество памятников деревянной архитектуры, в Новгороде — памятники новгородского архитектурного типа, особенно XIV—XVI вв.; в Киеве — остатки древнейшей архитектуры византийского типа, в Херсонесе таврическом — остатки храмов древнехристианских продольного типа и византийских, там же храмы пещерные; на Кавказе — памятники грузино-армянской архитектуры; во Владимире — Суздальский архитектурный тип; в Москве, Ярославле, Ростове, Костроме, Нижнем Новгороде — московская архитектура эпохи блестящего развития русского самобытного искусства в XVI—XVII вв. Памятники эти независимо от своего архитектурного значения имеют и значение чисто историческое, будучи тесно связаны с тою или другою историческою местностью. Многие из них заключают в себе превосходные древние образцы настенной живописи, древние иконы, церковную утварь. Некоторые, например, московский Успенский собор, новгородский Софийский, костромской Ипатьевский, со стороны своего внутреннего убранства представляют живые музеи церковной старины. Кроме указанных вещественных памятников, мы имеем множество древних рукописей, рассеянных по разным монастырям и церквам, не говоря уже о правильно организованных библиотеках рукописей церковных, общественных и частных. Почти в каждой древнерусской церкви имеются или старинные рукописи, или старопечатные книги. Это — ценные исторические материалы, которые необходимо, в интересах научного исторического знания, охранять от порчи и утраты.

Еще далеко не все эти памятники изучены и вошли в научный оборот: многое в них остается неясным, некоторые из них даже совершенно неизвестны. Существующие описи даже важнейших хранилищ древностей не всегда удовлетворительны, а некоторые собрания древностей совсем не имеют никаких описей; нечего уже говорить о древностях, находящихся в приходских церквах. Живого интереса к ним в среде нашего духовенства мало; а отсюда проис-

ходит то, что число наших древностей с каждым годом все более и более сокращается. Достаточно обратить внимание на то, что в последние два-три десятилетия у нас образовалось, особенно в Москве и Петербурге, отчасти в Новгороде, Ярославле, Ростове, Нижнем Новгороде, много частных богатых собраний древностей, в состав которых входят древности монастырские и церковные. Старые стенописи переписываются заново, но не реставрируются (церковь Воскресения на дебре в Костроме и мн. др.); старинные иконы также искажаются неумелыми руками иконописцев-ремесленников, драгоценная старинная парча сжигается для добывания золота, драгоценности и жемчуг снимаются с церковных облачений и продаются, церковные сосуды переплавляются, рукописи продаются или обмениваются на печатные издания. И мы не имеем никаких средств остановить эту вольную и невольную растрату дорогого достояния нашей национальной церкви. Храмы старинные благодаря переделкам изменяют свой древний вид, а деревянные бесследно исчезают. Правда, по действующему законоположению, ни один древний храм не может быть обновлен или произвольно исправлен без Высочайшего разрешения. «Древний, как наружный, так и внутренний вид церквей, — читаем в одном из синодальных циркуляров, — должен быть сохраняем тщательно, и никакие произвольные поправки без ведома высшей духовной власти не дозволяются. Епархиальным архиереям повелено наблюдать, дабы нигде, ни под каким предлогом, в древних церквях не дозволялось ни малейшего исправления и изменения живописи и других предметов древнего времени, а всегда испрашивалось бы на то разрешение Св. Синода». Однако это совершенно определенное синодальное распоряжение не имело успеха; оно не исполнялось, хотя циркуляры и повторялись (Циркуляр Св. Синода 25 августа 1865 г. 1879 г. № 5). С начала 90-х годов на помощь Св. Синоду в деле борьбы с искажениями памятников старины пришла Императорская археологическая комиссия. На Комиссию возлагается обязанность оберегать и исследовать русские курганные древности, древности южной России и берегов Черного моря. Вместе с тем она же разрешает вопросы о реставрации памятников старины *церковных*, гражданских и военных. Для этой последней цели в Комиссии выделяется группа специалистов с представителями Академии художеств. Но такая постановка дела, даже и при всей компетенции реставрационной Комиссии, представляет крупные неудобства, и наблюдение за ходом реставрационного дела в последние 14—15 лет показывает, что идеальные цели Комиссии не достигаются и не могут быть достигнуты. 1) Комиссия в деле реставрации церковных памятников есть не более как совещательное учреждение, и ее решения не всегда имеют обязательное значение. Несколько лет тому назад произошел следующий случай, наделавший много шума в художественно-археологических кружках. После синодального разрешения реставрации новгородского Софийского собора местный преосвященный вошел в соглашение с архитектором-специалистом и, по выяснении дела, поручил ему приступить к подготовительным работам, дав задаток в несколько тысяч рублей. В то же время епархиальный преосвященный, получив от архитектора проект реставрации стенописей собора, представил его для рассмотрения в Императорскую археологическую комиссию. Комиссия взглянула на дело

весьма серьезно и, имея в виду, что речь идет о редчайшем памятнике церковной старины, составила ad hoc специальную подкомиссию. Последняя имела полное основание предполагать, что в проектированной росписи собора не только будут удержаны уцелевшие от XI в. остатки росписи, но и вообще вся живопись будет представлять единство в общем стиле, гармонии и сочетании тонов и что она будет согласована с общим архитектурным эффектом. Требования этого рода соблюдались в древности, а потому и в настоящее время невозможно их игнорировать, особенно там, где идет речь о реставрации древнего памятника. Однако представленные архитектором-специалистом образцы росписи собора, исполненные несколькими художниками, оказались совершенно несоответствующими тем целям, для которых предназначались: они оказались подражаниями, даже почти копиями с живописей разных времен, мест, разных направлений и художественных достоинств: в одних из них нельзя было не признать подражаний фрескам новгородским спасо-нередицким и псково-мирижским XII в.; другие заимствованы были из Киево-Софийского собора XI в.; третьи тянули к мозаикам Марка Венецианского и Палатинской капеллы и даже к мозаикам Равенны V—VI вв. Некоторые из представленных образцов сполна удерживали даже недостатки их оригиналов в изображении анатомических подробностей тела и обстановки. Подкомиссия пыталась пояснить художникам, что задача их заключается не в копировании и подражании, так как в этом случае получилась бы в Софийском соборе не единая художественная роспись, а нечто вроде музея живописей разных мест и времен, даже нечто вроде иконной лавки; объясняла она и то, что самое размещение живописей в храме не может быть произвольным, но должно выражать определенную идею; так именно смотрела древность на храмовые росписи. В частности, разрешая вопрос о стиле всей росписи, подкомиссия полагала, что было бы целесообразно воспроизвести живопись в стиле XI в.; но так как это весьма затруднительно ввиду недостаточной ученой разработки вопроса о стиле росписей XI в. вообще, да и наличные материалы для этого далеко не полны, то она находила возможным допустить и позднейший стиль, лишь бы он был основательно выработан и художественно выполнен. Архитектор-специалист попытался приблизиться к требованиям подкомиссии, однако после пяти-шестинедельных работ совместно с нею нашел, что ее требования выбивают его из намеченной им колеи, что они чрезмерно строги, а потому, явившись к преосвященному, заявил, что, он, ввиду указанных затруднений и «придиорок», отказывается от работ по исполнению живописей. Преосвященный был крайне огорчен таким оборотом дела, тем более что на подготовку к живописи были произведены уже довольно значительные материальные затраты; он явился к обер-прокурору Св. Синода и со слезами на глазах просил вывести его из затруднения. Обер-прокурор пожелал услышать разъяснения дела; пишущий эти строки как член подкомиссии дал требуемые разъяснения, с препровождением образцов архитектора-специалисты, явно неудовлетворительных. Обер-прокурор, вняв слезной мольбе преосвященного, разрубил Гордиев узел: он освободил комиссию от наблюдения за росписью Софийского собора, приняв всю ответственность на себя; устранил также и проект

архитектора-специалиста. Стенная живопись Софийского собора исполнена была подрядным способом г. Сафоновым, под наблюдением академика живописи. Не время и не место теперь входить в оценку этой живописи; можем утверждать лишь одно, что компетентные планоначертания подкомиссии, при нормальном, истинно художественном отношении к делу со стороны художников-исполнителей, могли бы поставить эту роспись на надлежащую высоту, подобающую Софийскому собору как одному из крупнейших памятников церковной старины. 2) Императорская археологическая комиссия как учреждение специально археологическое решает вопросы о церковных памятниках исключительно со своей точки зрения; между тем, при более широком взгляде на предмет, невозможно при этом игнорировать и тех требований, которые вытекают из соображений церковно-практического характера, равно как и требований экономических, местных условий и проч. И если бы все дело охраны памятников церковной старины было сосредоточено в духовном ведомстве, то дело могло бы иметь больший успех; компетенция органов охраны от этого несколько не пострадала бы, так как те же авторитетные силы, которые в настоящее время состоят в реставрационной комиссии, могли бы быть привлечены к тому же самому делу в духовном ведомстве и, сверх того, увеличены притоком новых сил. 3) Императорская археологическая комиссия — не единственное учреждение, которому вверено законом разрешение вопросов об охране памятников старины; с нею разделяет этот труд, например, Императорское Московское археологическое общество; а отсюда происходят нередко недоразумения: епархиальные власти затрудняются в выборе компетентного учреждения по охране старины; да и сами эти учреждения иногда берутся одновременно за разрешение одного и того же вопроса и решают его различно, чем увеличивают церковно-практические затруднения. 4) Археологическая комиссия, будучи уполномочена решать вопросы об охране и о реставрации памятников старины, не имеет, однако ж, никаких средств к тому, чтобы заставить выполнять ее решения: права остановить разрушение или искажение памятника у нее нет. Очевидно, это дело нуждается в правильной и прочной организации.

Особую группу памятников нашей старины, хотя и не столь отдаленной, составляют архивные дела и документы духовного ведомства. В них заключаются наши церковно-исторические источники последних двух столетий; между тем они до последнего времени не имели надлежащей охраны, разрушались и уничтожались беспощадно; да и в настоящее время наши архивы не отличаются благоустройством и не гарантированы от порчи и разгромов. Факты, сюда относящиеся, указаны уже давно. В архиве Московской дикастерии, а потом и Консистории хранились некогда дела времен русского патриаршества; теперь от них нет и следа. В Нижегородском Печерском монастыре находится в печальном состоянии обширный архив старых духовных дел. Архив Харьковской духовной консистории находится в сыром помещении; Орловский архив — в тесном помещении, и ему угрожает печальная участь; архив Новгородской консистории уже в 80-х годах подвергался разгрому, и мы лично видели целые груды его в продаже на Петербургском рынке; архив Костромской духовной консистории, очень ценный, сгорел в 80-х го-

дах.¹ Нечего и говорить уже о старых монастырских и церковных архивах: большинство их ушло на бумажные рынки или хранится на чердаках и в подвалах. Современные архивы духовного ведомства — консисторские, монастырские — безотлагательно нуждаются в упорядочении: помещения их по большей части неудовлетворительны, тесны; описей удовлетворительных нет; нет и подходящих людей, которые могли бы взяться за это дело. Лишь в последние два десятилетия вновь учрежденные в некоторых городах ученые архивные комиссии в своих заботах о местной старине обратили внимание и на некоторые консисторские архивы. Но силы и средства этих комиссий крайне недостаточны: архивы духовного ведомства — открытое поле для деятельности будущих архивистов и любителей церковной старины.

Важность сохранения и исследования памятников старины признана уже давно и уже начиная со времен Петра I мы видим ряд правительственных мероприятий, направленных в эту сторону; они повторялись в продолжение всего XVIII в. и особенно усилились со времени царствования императора Николая I. Здесь мы отметим лишь те мероприятия, которые касаются собственно церковных древностей.

В 1775 г. указом Св. Синода предписано епархиальным епископам драгоценные предметы, находящиеся в соборных ризницах, отделить от обычно употребляемых и хранить за печатями протопопов.

В 1770 и 1775 гг. указами Св. Синода предписано было строго охранять предметы старины в ризницах московских соборов, составить им описи и проверять через каждые 5 лет. В 1853—1854 гг. составлена была и утверждена единообразная форма описей церковного достояния в монастырях и церквях. Дело было крупное: в марте 1854 г. император Николай I писал обер-прокурору Св. Синода графу Протасову: «Дошло до моего сведения, что будто в Москве, по монастырям, не водится подробных описей церковному имуществу, отчего многое драгоценное по древности и исторической ценности пропадает, любителями таких предметов приобретается разными способами: переходит из рук в руки, и то, что должно бы оставаться церковной драгоценностью, там и исчезает и переходит в частные собрания. Находя это в высшей степени неприличным, поручаю вам лично съездить в Москву неожиданно и поверить, точно ли так, и ежели, к крайнему стыду и сожалению, окажется, что сих описей нет, то немедленно распорядиться завести шнуrowые книги за печатью митрополита, в которые все церковное имущество каждого монастыря и церкви внести в точности, со строжайшим запрещением что-либо из оногo имущества сбывать в сторону без разрешения самого митрополита». Граф Протасов немедленно отправился в Москву, осмотрел имущество и описи московских соборов и монастырей. Предположение о растрате церковного имущества не подтвердилось; тем не менее было предложено митрополиту Филарету представить свои соображения по этому предмету, и он представил как форму описи, так и свои соображения «об усовершенствовании способов

¹ Некоторые подробности об архивах в записке А. Н. Львова о сохранении и разработке памятников, находящихся в духовном ведомстве.

сохранности в церквях и монастырях церковных и ризничных вещей, древностей и библиотек». Государь вполне одобрял соображения и планы Филарета, и Св. Синод особым циркуляром предписал всем епархиальным начальством: а) принять составленные митрополитом Филаретом образцы описей в точное руководство к составлению описей церковному имуществу по всем монастырям, соборам и древнейшим и значительнейшим церквям; б) для произведения ревизий церковных имуществ и для составления затем самых описей по оным нарядить по епархиям особые комиссии из лиц, известных своими познаниями, опытностью и благонадежностью, с прикомандированием в сии комиссии во время вакационное способнейших из наставников духовных семинарий; в) по обревизовании имуществ и составлении новых описей представить оные Св. Синоду в засвидетельствованных списках. Особые описи установлены для древних предметов, хранящихся в церквях, но не принадлежащих к богослужению, каковы: оружие, монеты, знамена, портреты, картины, мебель... Мероприятия эти были утверждены государем. Составлен был при Св. Синоде особый комитет под председательством казанского архиепископа Григория, впоследствии Санкт-Петербургского митрополита; в состав его, между прочим, вошли епископ Макарий, впоследствии митрополит Московский, и архимандрит Иоанникий, впоследствии митрополит Московский и Киевский, и игумен Макарий, впоследствии епископ донской; из светских лиц — Сербинович и Войцехович. Так как к тому времени стали появляться уже в Св. Синоде описи, присылаемые из епархий, то члены комитета принялись за проверку их. Кроме того, игумен Макарий и преподаватель СПб. духовной семинарии П. И. Савваитов командированы были для ревизии наиболее значительных древнехранилищ: следы этой ревизии мы лично видели в записях Костромского Ипатьевского монастыря. Но дальнейший ход дела показал, что труды комитета не отличаются продуктивностью; мало-помалу члены комитета выбывали, следы их работ исчезли, и в конце 60-х годов, когда обер-прокурор Св. Синода гр. Д. А. Толстой доложил Синоду, что ни одного члена комитета в С.-Петербурге уже более нет, а имеются налицо лишь присланные из епархий описи, то Св. Синод передал все это дело на заключение Высочайше утвержденной комиссии по описанию синодального архива. Последняя признала в принципе полезным восстановление исчезнувшей комиссии; но дело не получило дальнейшего движения.

Что касается епархиальных архивов, то даже до настоящего времени не было предпринято Св. Синодом каких-либо серьезных мер к их упорядочению и сохранению. Правда, Высочайше утвержденная комиссия по описанию синодального архива вскоре после своего утверждения, в 1868 г., обращала внимание Св. Синода на то, что архивы духовного ведомства, помимо своего ближайшего значения в текущем делопроизводстве, представляют немаловажный научный интерес и что поэтому нужно сохранить их. И действительно, в 1869 г. последовало циркулярное распоряжение Св. Синода, чтобы епархиальные преосвященные для хранения старых архивных дел, стесняющих архивы текущих дел, приискали особые помещения, а для разбора их составили особые комитеты. Распоряжение было исполнено, но новые помещения исторических архивов, иногда в сы-

рых подвалах и колокольнях, оказались неудобными, а епархиальные комитеты оказались совсем неподготовленными к выполнению порученного им дела.

В 1895 г. пишущим эти строки совместно с управляющим синодальным архивом А. Н. Львовым составлен был проект устава Общества охранения церковной старины при С.-Петербургской Духовной академии; однако в конце того же года, после нескольких предварительных обсуждений, выяснилось, что сложное и ответственное дело, требующее властных распоряжений, следует поставить под непосредственную опеку центрального духовного управления. А. Н. Львов составил подробную записку по этому предмету, но после первого обсуждения этого вопроса в многолюдном собрании специалистов и сведущих людей, под председательством гр. С. Д. Шереметева, дело неожиданно остановилось, и собрания не возобновлялись.

В 1869 г. Первый археологический съезд в Москве возбудил вопрос об охранении памятников старины и поручил разработку его особой комиссией. Составленный этой комиссией проект был принят на Втором археологическом съезде в С.-Петербурге в 1871 г. и передан в Министерство народного просвещения. Так началось новое дело о древностях, в том числе и церковных, в Министерстве народного просвещения. С Высочайшего одобрения для рассмотрения указанного проекта составлена была, под председательством статс-секретаря князя Лобанова-Ростовского, особая комиссия из представителей от Императорской Академии наук, Академии художеств, Императорской археологической комиссии, Св. Синода и всех археологических обществ. Комиссия в первом своем собрании разъяснила необходимость охраны памятников старины, указала факты разрушения и исчезновения их, решила пригласить к участию делегатов всех обществ и учреждений, занимающихся древностями, но безуспешно: делегаты не явились, за исключением одного представителя Петербургского общества архитекторов Н. В. Султанова. Затем комиссия признала необходимость установить следующие основные положения по вопросу об охране памятников старины: 1) необходимо учредить для надзора за памятниками древности и для описания их особую комиссию, составленную из специалистов; 2) для большей авторитетности распоряжений комиссии присвоить ей название Императорской и значение правительственного учреждения; 3) учредить в губерниях отделы комиссии как необходимые органы ее деятельности; 4) возложить на обязанность комиссии составление каталога или подробного списка памятников древности, потому что без такого списка невозможен надзор за сохранением памятников. Продолжая обсуждение круга деятельности будущей комиссии и пределов ее власти, комиссия признала нужным поручить ее заботам всю разнообразную массу предметов старины; в частности агентам или корреспондентам вменено в непрременную обязанность при обозрении церквей, монастырей и других древних зданий обращать внимание на рукописи, гравюры, миниатюры, старопечатные книги, которые хранятся во многих старинных ризницах и библиотеках, и приводить их в известность; обращено было внимание и на то, что на истребление памятников церковных и общественных слышатся наиболее сильные и многочисленные жалобы. В

состав будущей комиссии предположено было ввести, кроме председателя, четырех постоянных членов — специалистов, знакомых с различными отраслями археологии; учредить центральное бюро для текущего делопроизводства; присоединить сюда представителей от разных обществ и ведомств, созываемых для решения важнейших вопросов, с правом совещательного голоса, именно: от министерств народного просвещения, внутренних дел, Императорского двора, военного, государственных имуществ, духовного ведомств, Академии наук и художеств, наконец, от всех археологических, исторических и других ученых обществ по желанию и даже частных сведущих лиц; разделить все губернии на археологические округа, образовать в каждом из них местные отделы из ученых и любителей старины.

Результатом этих совещаний комиссии было: I — особый проект правил о сохранении памятников старины, II — расчет сумм на содержание комиссии и III — список археологических округов. Так как второй из этих пунктов не может иметь в данном случае практического применения, то мы приведем только I и III.

I. Проект правил о сохранении исторических памятников

1) Все памятники, замечательные по своей древности, художественному достоинству или историческому значению и составляющие правительственную, церковную или общественную собственность, охраняются от разрушения и несоответственных исправлений.

2) К памятникам такого рода относятся: а) памятники зодчества, б) памятники живописи и ваяния, в) изделия ремесленные и г) памятники письма и печати.

Примечание. Под этими общими именованьями подразумеваются, например: курганы, могилы, валы и вообще все насыпи, каменные орудия и металлические памятники, древние здания, развалины древних построек, каменные бабы и другие изваяния, иконы, стенопись и памятники эпиграфические, церковная и домашняя утварь — одним словом, все остатки старины, заслуживающие сохранения по их историческому, художественному или археологическому значению.

3) Для наблюдения за сохранением памятников учреждается при Министерстве народного просвещения комиссия под названием Императорская комиссия о сохранении исторических памятников.

4) Комиссия состоит из председателя, членов постоянных и совещательных и секретаря.

5) Председатель комиссии назначается и увольняется указом за собственноручным Высочайшим подписанием.

6) В случае болезни и отсутствия председателя комиссии место его занимает один из членов по назначению министра народного просвещения.

7) Постоянные члены назначаются в числе четырех министром народного просвещения по представлению председателя комиссии, из лиц, имеющих специальные сведения по четырем отраслям памятников, указанных в § 2.

8) Членами совещательными состоят представители, по одному от духовного ведомства, от министерств: Императорского двора, военного, внутренних дел, народного просвещения и государственных

ных имуществ, Императорской Академии наук, Императорской Академии художеств и тех археологических, исторических и других ученых обществ и учреждений, которые изъявляют согласие принять участие в заседаниях комиссии.

9) Для обсуждения дел комиссия имеет заседания обыкновенные и общие.

10) В обыкновенных заседаниях комиссии участвуют одни только постоянные члены. Предметы этих занятий составляют:

а) обсуждение мер к приведению в известность памятников;

б) проверка и дополнение доставленных в комиссию о них сведений и изготвление на основании этих сведений докладов в общие заседания, с ученой оценкой исторического, археологического и художественного значения памятников;

в) составление предварительных списков для их напечатания и отчета;

г) изыскание мер к сохранению памятников;

д) составление инструкций отделам и блюстителям;

е) наблюдение за точным исполнением на местах мер, предложенных комиссией;

ж) в случаях, не терпящих отлагательства, сообщение подлежащим ведомствам о немедленной приостановке как работ по сломке или перестройке зданий, так и распоряжений по отчуждению и перелке предметов замечательных.

11) В общих заседаниях комиссии, кроме членов постоянных, принимают участие и члены совещательные. В этих собраниях комиссия:

а) окончательно обсуждает списки памятников;

б) делает постановление, в случае невозможности более поддерживать какой-либо памятник, об его уничтожении или видоизменении;

в) обсуждает меры, предначертанные для сохранения памятников и проч.;

г) составляет планы ученых командировок для освидетельствования на местах памятников, избирает лиц, на которых возлагается исполнение этих поручений, и

д) вообще обсуждает, по предложению председателя, все дела, касающиеся комиссии.

12) Комиссия может приглашать в обыкновенные и общие заседания, с правом голоса, всех лиц, содействие которых она признает полезным и необходимым.

13) Комиссия сносится со всеми учреждениями, как правительственными, так и общественными, а равно со всеми учеными обществами и частными лицами, от которых может ожидать сведений и содействия.

14) Постановления общих заседаний по пунктам а и б § 11 подвергаются, через министра народного просвещения, на Высочайшее государя императора воззрение и утверждение, а постановления по отдельным пунктам того же параграфа приводятся в исполнение председателем комиссии.

15) В тех случаях, когда оказывается невозможным сохранить какой-либо памятник архитектурный или вещественный, комиссия немедленно распоряжается о снятии с него точных планов, подробных рисунков, слепков или фотографических снимков, о верности которых составляет протоколы.

16) Комиссия составляет ежегодно отчет о своей деятельности, который представляется Государю императору министром народного просвещения.

17) Комиссия печатает каждые полгода сведения о ходе своей деятельности и, кроме того, издает в неопределенные сроки «Известия» или «Записки», в которых помещает списки памятников и собранные о них сведения, а также протоколы своих заседаний. Извлечения из последних печатаются в местных Епархиальных и Губернских ведомостях.

18) Для ближайшего исследования памятников и наблюдения за их целостью образуются археологические округа, в состав которых входят одна или несколько губерний.

19) Каждый округ состоит в заведовании особого отдела Императорской комиссии.

20) Число и состав округов определяется, по представлению комиссии, министром народного просвещения.

21) Каждый отдел комиссии состоит из председателя и членов, избираемых Императорской комиссией из числа членов местных археологических обществ, ученых учреждений и лиц, известных своими научными трудами. Председатель и члены отделов представляются на утверждение министра народного просвещения.

22) В случае отсутствия председателя отдела, по общему соглашению членов, один из них занимает его место, о чем каждый раз доводится до сведения комиссии.

23) Сношения Императорской комиссии со своими отделами производятся через председателей оных.

24) Отделы Императорской комиссии исполняют на месте все то, что составляет предмет занятий обыкновенных заседаний самой комиссии, за исключением пунктов б и ж § 10.

25) Духовному ведомству, а равно всем прочим правительственным и общественным учреждениям вменяется в обязанность прежде какого-либо отчуждения предметов, имеющих историческое значение, или работ по исправлению и переделке памятников входить в сношение с подлежащим отделом комиссии и без ведома и разрешения Императорской комиссии не приступать ни к каким изменениям и подновлениям памятников.

26) Отделы для наблюдения за целостью и для точного исполнения мер к сохранению памятников избирают из местных жителей в каждой губернии по одному или по несколько блюстителей, которые утверждаются в этом звании Императорской комиссией.

27) Блюстители о своей деятельности и о своих мероприятиях к изысканию и сохранению памятников доводят до сведения местного отдела.

28) Члены отделов и блюстители, не находящиеся на действительной службе, считаются, доколе состоят в этих званиях, первые в VI, а вторые — в VII классе и носят мундир Министерства народного просвещения, присвоенный этим классам.

II. Археологические округа

№ по порядку	Округи и губернии, к ним причисленные	Высшие училища и ученые общества в округе
1.	<i>С.-Петербургский</i> С.-Петербургская губ., Новгородская, Олонецкая, Архангельская.	Университет. Русское археологическое общество, С.-Петербургское общество архитекторов.
2.	<i>Псковский</i> Псковская губ., Витебская, Смоленская, Могилевская.	Археологическое отделение Статистического комитета.
3.	<i>Дерптский</i> Эстляндская губ., Лифляндская, Курляндская, Ковенская.	Университет. Эстляндское археологическое общество.
4.	<i>Виленский</i> Виленская губ., Сувалкская, Гродненская, Минская	Археологическая комиссия.
5.	<i>Московский</i> Московская губ., Тверская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская.	Университет. Общество истории и древностей, Общество древнерусского искусства, Московское археологическое общество.
6.	<i>Ярославский</i> Ярославская губ., Вологодская, Костромская, Вятская.	Ярославский лицей.
7.	<i>Казанский</i> Казанская губ., Нижегородская, Симбирская, Саратовская, Самарская, Тамбовская, Пензенская.	Университет.
8.	<i>Харьковский</i> Харьковская губ., Курская, Орловская, Воронежская, Донская область.	Университет.
9.	<i>Киевский</i> Киевская губ., Волынская, Черниговская, Полтавская	Университет. Общество Св. Нестора. Общество церковно-археологическое.
10.	<i>Варшавский</i>	Университет.
11.	<i>Одесский</i> Херсонская губ., Бессарабская, Подольская, Екатеринославская.	Университет. Общество истории и древностей.
12.	<i>Таврический</i> Таврическая губ., Кубанская, Ставропольская, Астраханская.	Керченский музей
13.	<i>Кавказский</i>	Общество любителей археологии.
14.	<i>Оренбургский</i> Оренбургская губ., Пермская, Уфимская, Уральская.	Управление учебного округа.
15.	<i>Омский</i>	Университет.
16.	<i>Иркутский</i>	Отделение Императорского географического общества.
17.	<i>Туркестанский</i>	

Широко задуманное дело не могло увенчаться успехом. Организация охраны памятников по округам должна была встретить сильные затруднения в недостатке подготовленных к тому учреждений и лиц в самых местах охраны; притом здесь не было проведено ни-

какой границы между памятниками, которыми пользуются для своих надобностей разные ведомства и учреждения и не находящимися в пользовании особых ведомств; отсюда могли происходить совершенно неожиданные столкновения ведомств; наконец, в организации центрального управления древностями замечен чрезмерный бюрократизм.

В последние годы делались неоднократные попытки к пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников и зданий в Министерстве внутренних дел. В 1903 г. здесь был выработан законопроект об охране древних памятников, по которому воспрещается разрушать, разбирать или видоизменять без узаконенного разрешения древние памятники церковной, гражданской и военной архитектуры со всеми их художественными принадлежностями под строгой ответственностью; запрещается реставрация древних зданий без особого разрешения Императорской археологической комиссии; за перемещение, снесение, разрушение или изменение памятников древности без надлежащего разрешения, когда таковое требуется законом, виновные в том подвергаются заключению в тюрьме на время от одного до четырех месяцев. Независимо от сего виновный обязан восстановить на свой счет уничтоженные части памятников, когда это окажется возможным. В 1905 г. в том же министерстве составлена была под председательством С. П. Суходольского новая комиссия по тому же предмету из представителей Министерств — внутренних дел, народного просвещения, Императорского двора, военного и Ведомства православного исповедания. Комиссия составила 1) основные положения по охране памятников старины, в которых выяснила широкий круг действий предполагаемых постановлений (все памятники старины, кроме архивов, охрана которых составляет отдельную заботу правительства), разделила все памятники на две большие группы: а) памятники, имеющие первостепенное археологическое, историческое или художественное значение, поддержание коих должно составлять предмет особой заботливости правительства; б) все остальные; признала нужным составить список всех памятников и образовать охранные органы — центральный и местные; 2) рассмотрела проект разделения Империи на археологические округа для заведования делом охранения памятников старины; 3) составила проект положения об Императорской комиссии охранения памятников древности, в ведомстве Императорского двора — из представителей разных ведомств и лиц, занимающих должности: вице-президента Императорской Академии художеств, председателя Императорской археологической комиссии, председателя Техническо-строительного комитета при Св. Синоде, председателя Техническо-строительного комитета Министерства внутренних дел и директора Императорского СПб. археологического Института. По рассмотрении существующих законоположений об охране памятников старины комиссия пожелала узнать по выработанным ею предположениям мнение компетентных учреждений... На этом дело и остановилось.

В заключение отметим в ряду мероприятий последнего времени определения Св. Синода о способах сохранения памятников церковной древности в храмах и церквях Империи и о мерах к сохранению рукописей и старопечатных книг (Опред. 31 янв.—27 февр.; 12—

25 ноября 1903 г. и 16 января—1 февр. 1906 г.). Определения эти не имеют в виду широкой постановки вопроса об организации охраны памятников церковной старины.

История мероприятий по охране русской старины показывает, что, несмотря на их многочисленность и строгость, они не достигали цели. Причины безуспешности мероприятий заключаются прежде всего в их теоретичности и недостатке практической целесообразности. Неоднократно проектированные охранные центральные комиссии не имели никакой организации, а представляли собою лишь небольшие группы специалистов, с известным официальным положением, с известными знаниями, но без определенных юридических и нравственных обязательств, без определенных планов; местных органов, на которые могли бы опереться центральные комитеты, почти не было: вдали от центров просвещения некоторый успех дела всецело зависел от благорасположения отдельных лиц и счастливого стечения обстоятельств. Не видно в истории мероприятий ни надлежащей настойчивости, ни даже последовательности в достижении цели: дело, прекрасно начатое, неожиданно прекращается в критический момент, не оставив никакого следа. Так окончилось наиболее серьезное из синодальных мероприятий в конце 60-х годов. Весьма серьезно поставлено было дело охраны в министерском проекте 1876 г.; но постанова оказалась чрезмерно широкою, не сообразованною ни с наличным положением памятников, ни с наличностью ученых сил, пригодных для целей охраны. Крупный недостаток заключался в том, что он смешал вместе все памятники — церковные, гражданские и военные, и подчинил их контролю комиссии Министерства народного просвещения, опустив из вида то, что первые по большей части находятся доселе в церковно-практическом использовании и не могут быть рассматриваемы как мертвый инвентарь: в древнем храме, принадлежащем к числу памятников древней архитектуры, доселе совершается богослужение; древние церковные утвари, одежды также иногда, в исключительных случаях, употребляются при богослужении, древние иконы, особенно чудотворные, находятся в храмах, а не в музеях. Ясное дело, что ближайший контроль над этими памятниками должен принадлежать духовной власти, и если епархиальная власть в деле распознавания и оценки памятников не всегда оказывалась на высоте положения, то нормальный исход из этого затруднения заключается совсем не в формальном ограничении ее прав через стороннее вторжение в сферу ее полномочий, а в усилении ее средств в деле оценки старины. То несомненный факт, что в среде духовной, особенно в прежнее время, знание церковной старины, а вместе с тем — уважение и любовь к ней не имели широкого распространения; но это был всеобщий русский недочет, объясняемый условиями нашего воспитания и образования, недочет особенно заметный в среде нашей интеллигенции; вот почему, между прочим, задерживались серьезные мероприятия по охране старины: не было подходящих людей именно в тех местах, где находятся памятники старины. В настоящее время положение дела значительно изменилось к лучшему. Контингент лиц, более или менее знакомых с церковной стариною, увеличился. Правда, даже и теперь мы не можем сказать, чтобы наличность подходящих сил была совершенно достаточна и могла вынести на своих плечах трудное

дело охраны и изучения памятников церковной старины; но и увеличение таковых сил в настоящее время не представляет особенных затруднений. Двери Императорского археологического института широко открыты для студентов и кандидатов Духовных академий: здесь они с полным удобством могут пройти полный курс важнейших археологических дисциплин: церковной археологии, первобытной археологии, славянской и русской палеографии, исторической географии, нумизматики, юридических древностей, источниковедения русской истории, археологии и архивоведения; во время пребывания в Институте они познакомятся, под руководством специалистов, с музеями древностей, собраниями рукописей и архивами и таким образом приобретут некоторый практический навык в деле распознавания старины и знакомства с приемами научных описаний и исследований ее. С такими задатками смело можно выступить на трудное поприще охраны церковной старины; необходимо создать лишь благоприятные условия для таких церковно-археологических работ в епархиях.

Опыты прежних лет и соображения, вытекающие из наблюдений современного положения церковной археологии в России, намечают наиболее целесообразный путь к охране церковной старины в следующем виде. Необходимо учредить центральный орган охраны при Св. Синоде и органы епархиальные. Первый из этих органов — руководящий и распорядительный, последние — исполнительные. Потребность в местных ученых органах становится ясною из того, что предметом самой охраны будут не те памятники, которые находятся в благоустроенных музеях столиц и некоторых других городах и которые имеют уже надлежащую охрану, а памятники, разбросанные по монастырям, соборам и приходским церквям, равно как и местные архивы. Старина этого рода требует оценки и хранения на месте. Было бы крупной ошибкой в настоящее время руководиться в деле охраны старым шаблонным приемом перемещения памятников старины с места на место и сосредоточения их в столичных музеях. Такого рода перемещения могут быть допускаемы лишь в крайних случаях. Каждый памятник, если он хранится в той или другой церкви издавна, должен быть рассматриваем как древнее достояние, как свидетель давно минувшей жизни именно данной местности. Переместить его в столицу — значить оторвать его от родной почвы. В случае, если бы оказалось невозможным гарантировать сохранность памятника в месте его первоначального нахождения, он может быть перемещен в епархиальный музей. Защитники централизации древностей обыкновенно ссылаются на то, что, во-первых, ученые специалисты могут с большим удобством обследовать памятники, находящиеся под рукою — в столичном музее, чем разбросанные по разным местам и требующие тяжелого ученого паломничества, во-вторых — в столичных музеях охрана всегда лучше организована, чем где-либо в другом месте. Что касается первого основания, то оно представляется чрезмерно эгоистичным: интерес сохранности памятников и их историческая значимость должны быть поставлены на первом плане, а личные удобства ученого археолога — на втором. И можно быть уверенным, ввиду многочисленных опытов и наблюдений над учено-археологической средой, что нужда паломничества не ослабит ученую пылливость археологов и не нанесет ущерба делу

научного обследования памятников. Второе основание также не вполне состоятельно. С одной стороны, если устроить местные древлехранилища надлежащим образом, то предметы древности сохранятся в целости, а с другой — мы могли бы указать на множество примеров расхищения памятников из благоустроенных древлехранилищ С.-Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, Вильны и проч. Нет нужды говорить о том, что памятники архитектурные, равно как древние иконы иконостасов, архивы, решительно не допускают централизации. Для предварительного ознакомления с ними учено-археологической среды могут служить точные фотографические снимки и описания, а обследование *ученое*, как само собою понятно, требует автопсии. Центральный комитет охраны памятников церковной старины должен находиться непременно при центральном духовном управлении и опираться на авторитетную духовную власть, которая назначает председателя и членов. В состав комитета должны войти три специалиста: один — по вещественным памятникам церковной древности, другой — по древним рукописям и третий — по архивоведению. К участию в занятиях его приглашаются также по мере надобности члены техническо-строительного комитета при Св. Синоде, архитекторы, представители других частей центрального управления и представители других ведомств и учреждений. Зерно этого комитета уже имеется при Св. Синоде в виде Высочайше устроенной комиссии для приведения в ясность и порядок дел, хранящихся в Архиве Св. Синода. Комитет имеет целью для пользы церкви и науки предохранять от порчи и утраты памятники старины, вещественные и письменные, особенно находящиеся в монастырях, соборах и церквях, равно как и в других учреждениях духовного ведомства. Для достижения этой цели он приводит в известность уцелевшие памятники церковной старины, составляет им описи, издает и подвергает научному обследованию важнейшие из них, а также содействует распространению древлеведения в России. Комитет заботится о том, чтобы памятники, имеющие историческую и научную важность, как-то древние иконы, церковная утварь, памятники древнего церковного зодчества, не только не уничтожались, но и не искажались неумелыми исправлениями и реставрациями. О замеченных злоупотреблениях этого рода, равно как и о злоупотреблениях по охранению памятников старины, архивов и т. п., комитет доводит до сведения высшей духовной власти. Комитет представляет центральному духовному управлению ежегодные отчеты о своей деятельности.

Комитету предоставляется с разрешения высшей духовной власти и по сношении с епархиальной властью открывать *местные комитеты* по охране памятников церковной старины, деятельность которых будет определяться особым положением. Существующие уже теперь комитеты нуждаются в правильной организации. Необходимо позаботиться о том, чтобы в каждом из таких комитетов было хотя бы одно лицо, опытное в распознавании и оценке памятников старины и получившее по возможности специальную археологическую подготовку. Если бы по местным условиям было затруднительно в некоторых епархиальных городах устроить *особые* епархиальные комитеты, то было бы вполне целесообразно привлечь к делу охраны церковной старины существующие уже в 21 городах губернские

учебные архивные комиссии, образовав при них отделы церковных древностей с неперменным участием представителей и специалистов из духовного ведомства: лица эти, как нам известно, и теперь уже входят в состав всех архивных комиссий. Центральный комитет находится в постоянных сношениях с местными комитетами, дает им руководственные указания по всем предметам их деятельности и составляет для них необходимые печатные пособия и руководства; пользуется содействием епархиальной власти и принимает все возможные меры к охранению и изучению памятников церковной старины. В случаях особенно важных комитет обращается за содействием к центральному духовному управлению. Комитет имеет свой печатный орган, в котором, по мере накопления материала, печатаются отчеты как центрального комитета, так и местных, описания и ученые издания памятников и другие материалы, ученые исследования, учебные и справочные пособия.

Местные епархиальные комитеты учреждаются центральным комитетом и стоят в зависимости от последнего. В каждом из таких комитетов должно быть одно сведущее лицо, по возможности получившее специально археологическое образование. Цель их заключается: а) в ближайшем наблюдении за сохранением памятников церковной старины в пределах епархий; б) в составлении и проверке охранных описей памятников старины вещественных, рукописей и архивов, находящихся в монастырях, соборах и церквах и, по возможности, в научном обследовании их; в) в распространении древлеведения в местном обществе путем сообщений, лекций и путем печати. Комитеты составляют музеи местных древностей, в состав этих музеев входят такие предметы, охрана которых на месте их первоначального нахождения представляется затруднительной и невозможной. Музеи эти помещаются при архиерейских домах, в монастырях или при духовных семинариях; в случае, если епархиальный комитет не имеет вполне самостоятельной организации и входит в состав губернской ученой архивной комиссии как один из отделов последней, предметы церковной старины могут быть сохраняемы в музеях архивных комиссий. О случаях замеченного небрежного отношения к предметам церковной старины комитеты доводят до сведения местной епархиальной власти и центрального комитета охранения церковной старины. Епархиальные комитеты пользуются покровительством местной епархиальной власти, епархиальный архиерей состоит неперменным покровителем комитета. Комитеты по возможности часто проверяют наличность памятников в епархии, уже зарегистрированных, собирают сведения о памятниках, находящихся в епархии, но еще не приведенных в известность. Состав комитетов и подробности ведения дела определяются самими комитетами, применительно к общим началам устава центрального комитета охранения церковной старины и к местным условиям; точно так же и в тех случаях, если комитеты входят в состав архивных комиссий. Комитеты местные находятся в постоянных сношениях с центральным комитетом охранения церковной старины и ежегодно составляют ему отчеты о своей деятельности.

Подробности постановки центрального комитета и ведения его дел определяются особым положением применительно к вышеуказанным началам, равно как и вопрос о реставрации памятников цер-

ковной старины, требующий специального разрешения ввиду его сложности, как по существу, так и по недостаточной ясности существующих законоположений по этому предмету. Материальные затраты по охране памятников старины не должны быть очень значительны: нужды центрального комитета могут быть удовлетворены из сумм, имеющих в распоряжении Св. Синода, а нужды епархиальных комитетов — из сумм епархиальных: во всяком случае это вопрос второстепенный. Важнее всего то, чтобы духовная власть, особенно епархиальная, прониклась сознанием высокой важности памятников церковной старины и настоятельной необходимости их строгого охранения: ее сочувствие к этому делу и твердое решение положить конец расхищению и разрушению драгоценного достояния русской церкви составляют лучшую гарантию успехов дела.